

Русский символизм в литературе

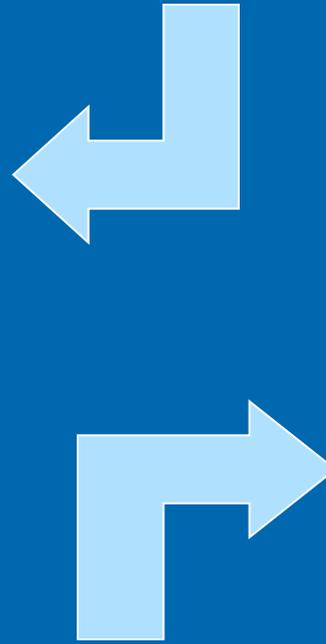
□ В 1910-е годы символизм как художественное течение переживает кризис. Попытка символистов возгласить литературное движение и овладеть художественным сознанием эпохи потерпела неудачу. В предисловии к поэме «Возмездие» Блок писал: «...1900 год – это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму, и друг к другу: акмеизм, эгофутуризм и первые начатки футуризма». Вновь остро поднят вопрос об отношениях искусства к действительности, о значении и месте искусства в развитии русской национальной истории и культуры.

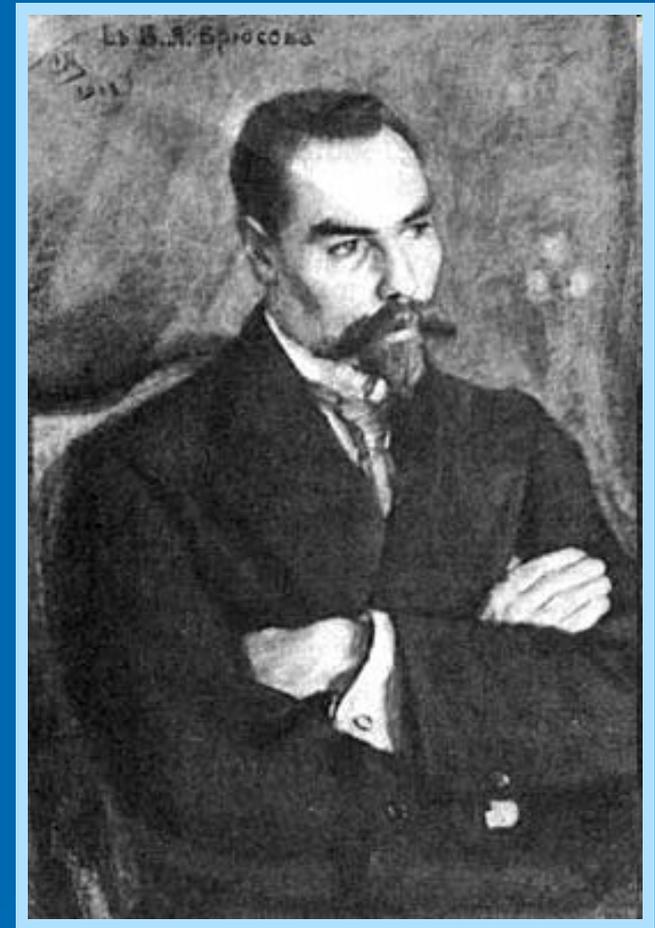
Александр Блок

Вячеслав Иванов

Валерий Брюсов

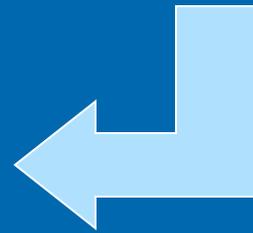

В 1910 г. в «Обществе ревнителей художественного слова» были прочитаны программные доклады А. Блоком – «О современном состоянии русского символизма» и Вяч. Ивановым – «Заветы символизма». В среде символистов выявились явно несовместимые взгляды на сущность и цели современного искусства; отчётливо обнаружилась внутренняя мировоззренческая противоречивость символизма (у которого никогда не было единой идеологической и эстетической платформы). В дискуссии о символизме В. Брюсов отстаивал независимость от политических и религиозных идей. Для «младосимволистов» поэтическое творчество стало религиозным и общественным действием. Блок в это время переживал глубокий кризис мировоззрения. Попытка Вяч. Иванова обосновать в докладе «Заветы символизма» символизм как существующее целостное мировоззрение оказалась безуспешной. Блок к 1912 г. порывает с Вяч. Ивановым, считая символизм уже несуществующей школой. Остаться в границах былых верований было нельзя, обосновать новое искусство на старой философско-эстетической почве оказалось невозможным.

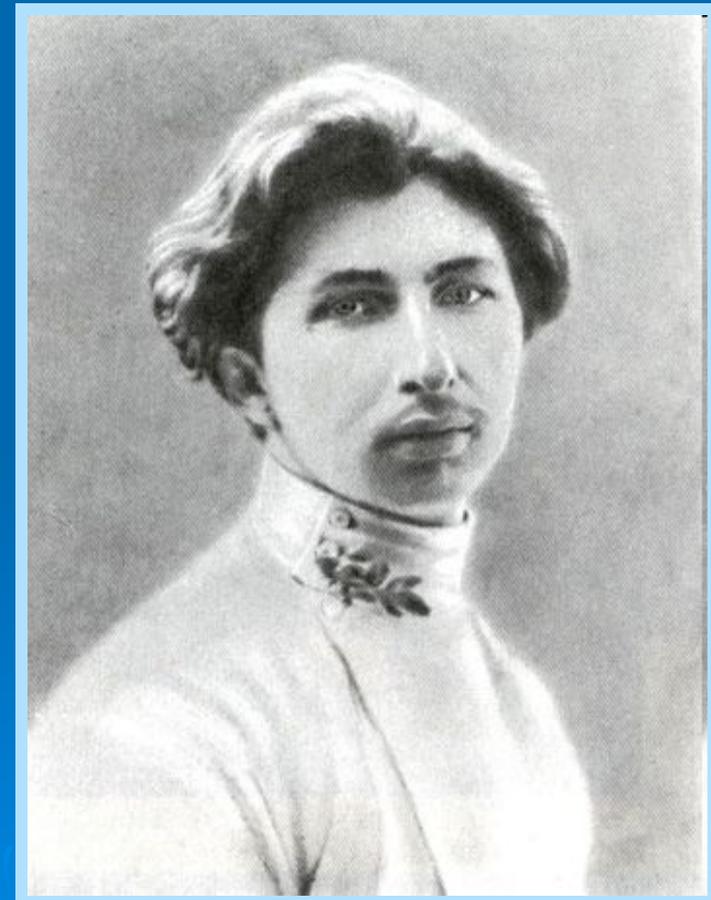
В среде поэтов, стремившихся вернуть поэзию к реальной жизни из мистических туманов символизма, возникает кружок «Цех поэтов» (1911), во главе которого становятся Н. Гумилёв, С. Городецкий. Членами «Цеха» были в основном начинающие поэты: А. Ахматова, Н. Бурлюк, Вас. Гиппиус, М. Зенкевич, Георгий Иванов, Е. Кузьмина-Караваяева, М. Лозинский, О. Мандельштам, Вл. Нарбут, П. Радимов. Собрания «Цеха» посещали Н. Клюев и В. Хлебников. «Цех» начал издавать сборники стихов и небольшой ежемесячный журнал «Гиперборей». В 1912 г. на одном из собраний «Цеха» был решён вопрос об акмеизме как о новой поэтической школе.

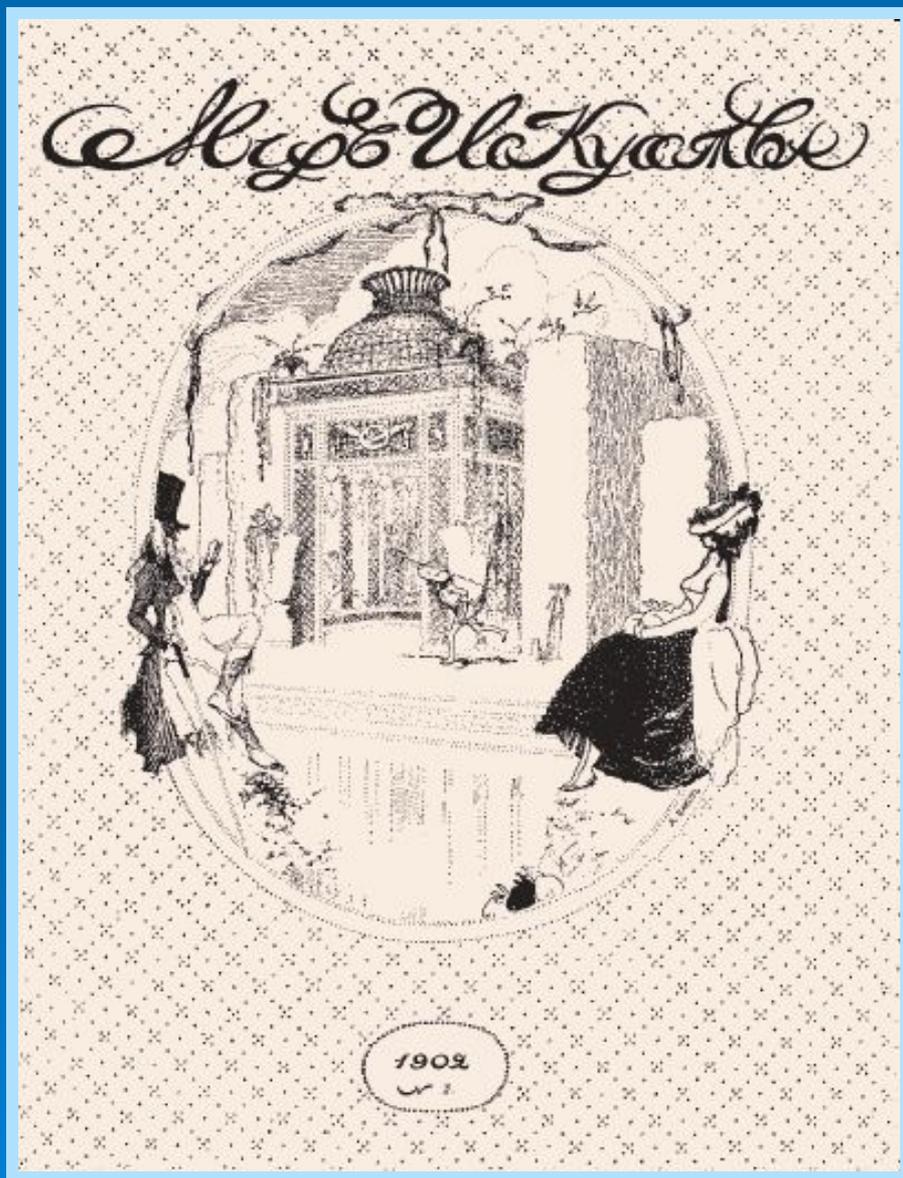

Николай Гумилев

Сергей Городецкий

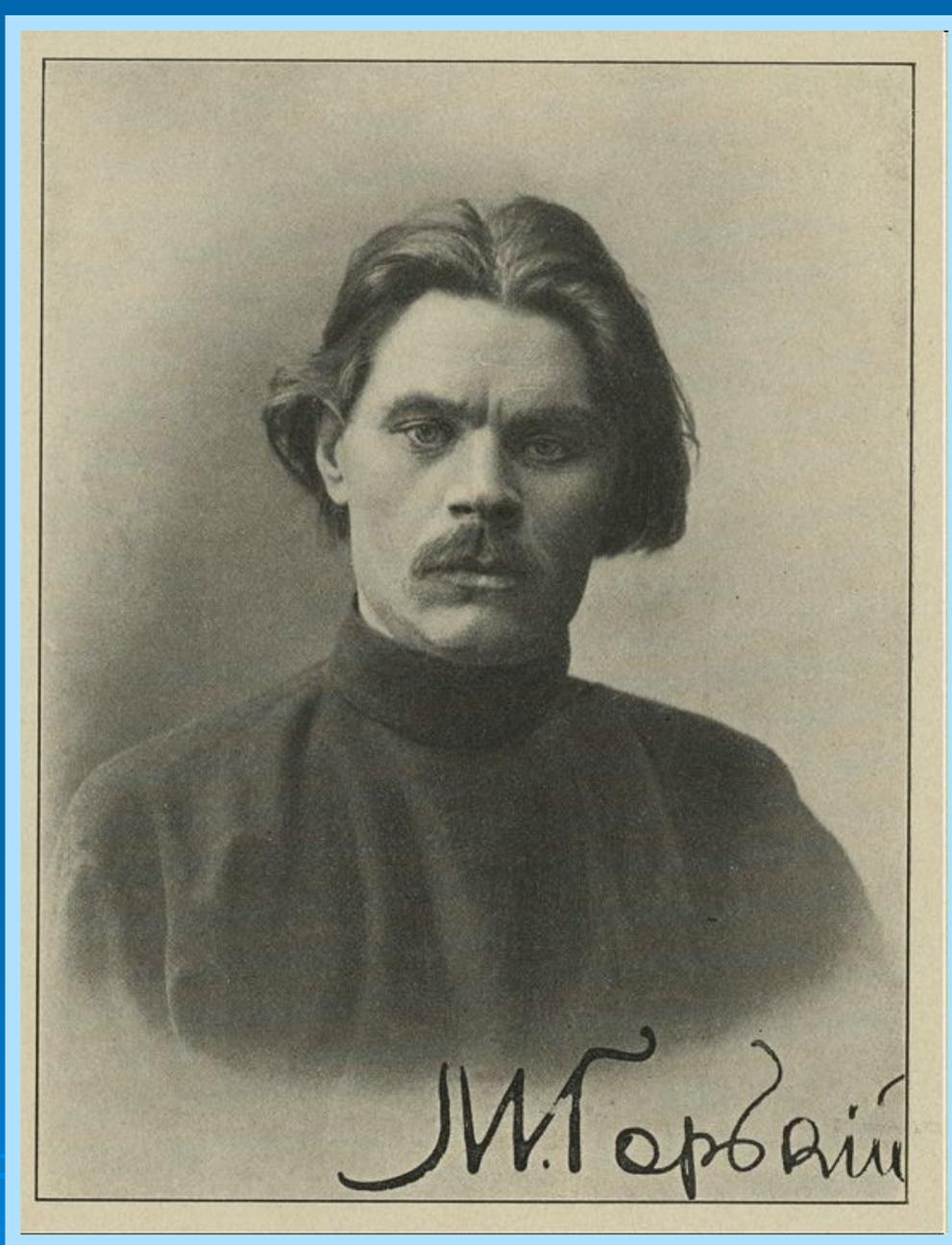

- Названием этого течения подчёркивалась устремлённость его приверженцев к новым вершинам искусства. Основным органом акмеистов стал журнал «Аполлон» (ред. С. Маковский), в котором публиковались стихи участников «Цеха», статьи-манифесты Н. Гумилёва и С. Городецкого. Новое течение в поэзии противопоставило себя символизму, который, по словам Гумилёва, «закончил свой круг развития и теперь падает» или, как более категорично утверждал Городецкий, переживает «катастрофу». Однако по существу «новое течение» вовсе не являлось антагонистическим по отношению к символизму.

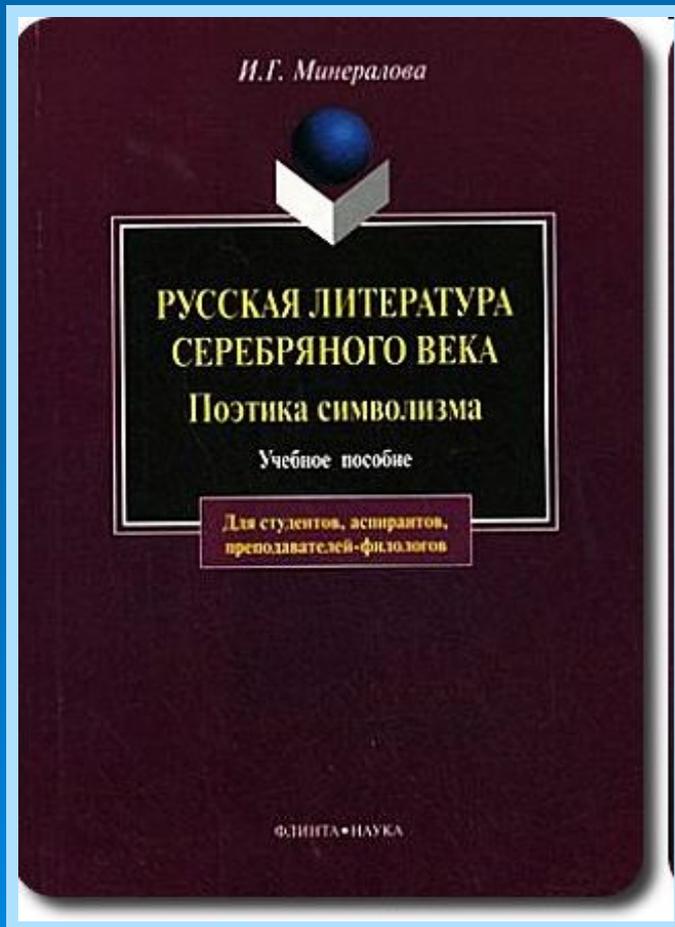
Обложка для журнала "Аполлон"

Претензии акмеистов оказались явно несостоятельными. Горький в своей статье «Разрушение личности» писал о «новейшей» литературе. Она резко порывала с общественно-гуманистическими тенденциями «старой» литературы, для которой «типичны широкие концепции, стройные мировоззрения»: «Всё тоньше и острее форма, всё холоднее слово и беднее содержание, угасает искреннее чувство, нет пафоса; мысль, теряя крылья, печально падает в пыль будней, дробится, становится безрадостной, тяжёлой и больной». Эти слова Горького могут служить блестящей характеристикой не только творчества целого ряда символистов, но и акмеизма, ещё более, чем их предшественники, замкнувшегося в узкоэстетической сфере. Акмеизм объединил поэтов, различных по идейно-художественным установкам и литературным судьбам. В этом отношении акмеизм был, может быть, ещё более неоднородным, чем символизм. Общее, что объединяло акмеистов, – поиски выхода из кризиса символизма. Однако создать целостную мировоззренческую и эстетическую систему акмеисты не смогли, да и не ставили перед собой такой задачи.

Горький Максим (Пешков Алексей)

Более того, отталкиваясь от символизма, они подчёркивали глубокие внутренние связи акмеизма с символизмом. «Мы будем бороться за сильное и жизненное искусство за пределами болезненного распада духа», – провозгласила редакция в первом номере журнала «Аполлон» (1913), в котором в статье «Наследие символизма и акмеизм» Н. Гумилёв писал: «На смену символизма идет новое направление, как бы оно ни называлось, – акмеизм ли (от слова («акме») – высшая степень чего-либо, цвет, цветущая пора), или адамизм (мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь), – во всяком случае, требующее большего равновесия сил и более точного знания отношений между субъектом и объектом, чем то было в символизме. Однако чтобы это течение утвердило себя во всей полноте и явилось достойным преемником предшествующего, надо, чтобы оно приняло его наследство и ответило на все поставленные им вопросы.

АНДРЕЙ БЪЛЫЙ.

СИМВОЛИЗМЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «МУСАГЕТЪ».

- «Слава предков обязывает, а символизм был достойным отцом». Говоря об отношениях мира и человеческого сознания, Гумилёв требовал «всегда помнить о непознаваемом», но только «не оскорблять своей мысли о нём более или менее вероятными догадками – вот принцип акмеизма». Это не значит, чтобы он отвергал для себя право изображать душу в те моменты, когда она дрожит, приближаясь к иному; но тогда она должна только содрогаться. Разумеется, познание Бога, прекрасная дама теология, останется на своём престоле, но ни её низводить до степени литературы, ни литературу поднимать в её алмазный холод акмеисты не хотят.

Александр Блок

Без названия

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая — Ты.

25 октября 1902

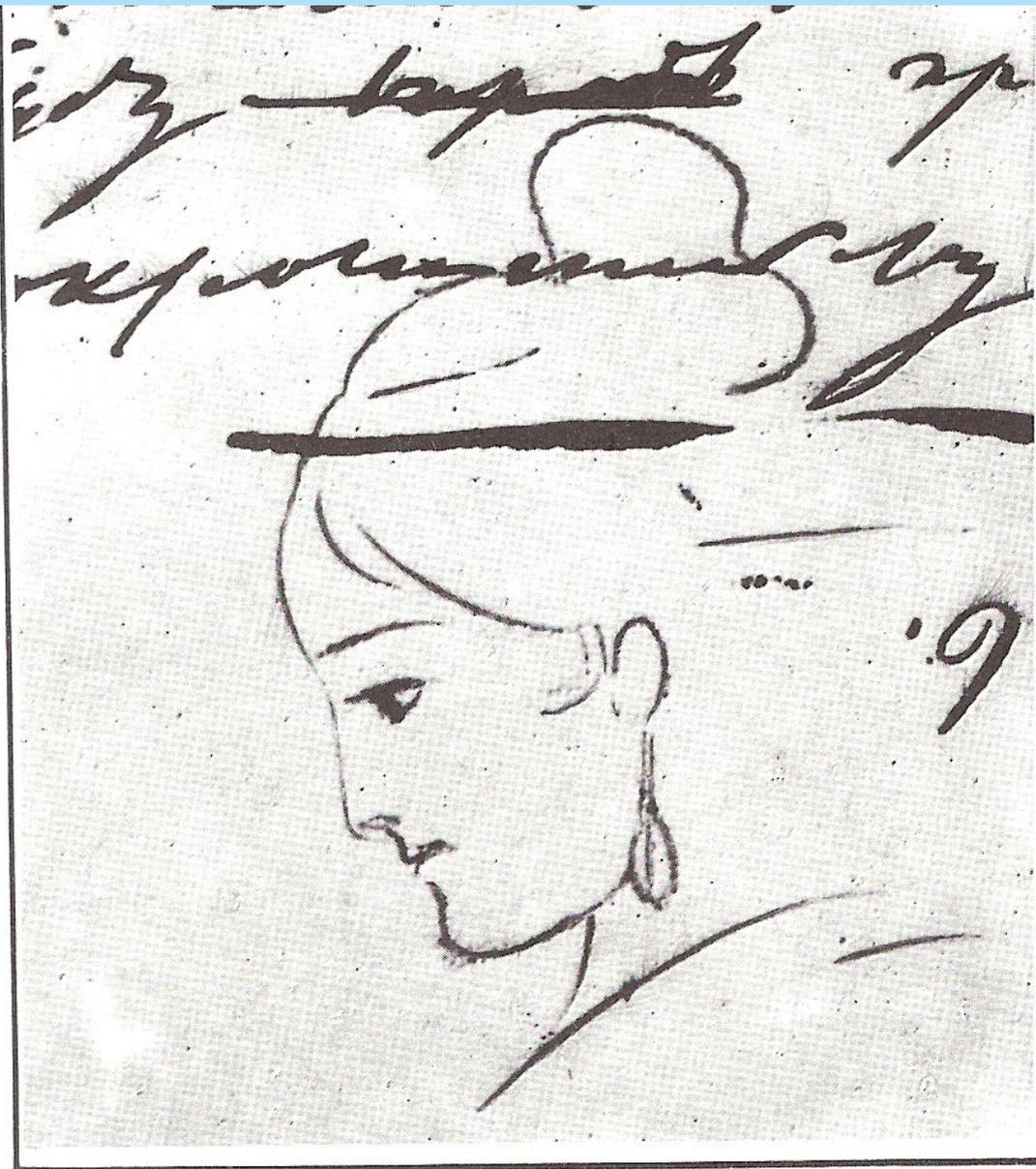
- Символист А.А. Блок обесмертил свое имя созданием цикла стихов о "Прекрасной Даме". В них - чистая отроческая любовь к прекрасному, рыцарское смирение идеалу, мечта о возвышенной любви, которая являлась средством для проникновения в высшие миры, для слияния с совершенной вечной Женственностью. Цикл стихов о "Прекрасной Даме" посвящен возлюбленной А.А. Блока. Любви Дмитриевне Менделеевой, впоследствии ставшей его женой.
- Это - молитва, обращенная к Владычице Вселенной, Вечной Жене, святой. И одним из наиболее проникновенных и таинственных стихотворений, является шедевр "Вхожу я в темные храмы".

Вхожу я в темные храмы
Совершаю бедный обряд
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцании красных лампад.

- Первая строка стихотворения настраивает читателя на что-то мистическое, потустороннее, присущее обители неземного существа, Прекрасной Дамы, Величавой Жены, одетой в белые одежды и чуждой всей земной трясине.
- Обряд посвящения в рыцари Прекрасной Дамы лирический герой считает бедным в сравнении с богатейшей духовностью его идеала. Прекрасно показано внутреннее состояние лирического героя с помощью образной детали - красных лампад. Красный - цвет любви и тревоги. Герой любит свой идеал, но испытывает тревогу перед ее появлением. Далее тревога лирического героя нарастает ("Дрожу от скрипа дверей..."), так как в воображении его зримо возникает ее образ, сон о ней, озаренный аурой святости, созданный самим Блоком. Образ Прекрасной Дамы - бесплотен, фантастичен, но он возникает так часто перед поэтом, что он уже привык созерцать ее в божественных одеждах. Ее появление приносит в лирическую душу героя успокоение, он видит вокруг себя улыбки, слышит сказки, в его воображении возникают сказочные сны. Все его чувства открыты для вдохновения восприятия всего того, что он видит и слышит. Лирический герой обретает гармонию. Он восторженно восклицает:

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны твои черты
Мне не слышны ни вздохи, ни речи
Но я верю: Милая - Ты.

- Восхищение переполняет душу повествователя. Ликсический повтор усилительного "как" подчеркивает любование, преклонение юноши - поэта перед совершенством. Метафорический эпитет "ласковые свечи" - настоящее поэтическое открытие Блока. Герою "не слышны ни вздохи, ни речи" своей возлюбленной, бесплотного духа, но созерцая отрадные черты, дарящие радость и успокоение сердцу, возвышающие душу и дающие вдохновение, он верит, что она - Милая. Усилительный знак препинания - это тире - обрушивает на краткое "ты" огромное ударение, подтверждающие неоспоримость идеала поэта.
- Мечта Блока о встречи с Прекрасной Дамой сводилась к уходу из реального мира, полного трясины, болота, "чорных зданий", "желтых" фонарей, недостойных людей, для которых "истинна в вине", в обмане слабых, беззащитных, в наживе и корысти, в идеальном мире, населенный чистыми созданиями, близкими к идеалу.
- Стихотворение производит огромное впечатление на читателя своей силой повествования, беззаветными чувствами отрока - рыцаря Блока, обилием изобразительных выразительных средств, раскрывающих в полном объеме внутреннее состояние лирического героя, показывающих обстановку, окружающую поэта, и создающую тот религиозный, мистический колорит. В тексте присутствует множество слов, имеющих яркую эмоциональную окраску, возвышенной, церковной лексике (храм, лампада, риза, отрадно), они подчеркивают исключительную торжественность и значимость событий для поэта. Образ Прекрасной Дамы очень много значил для Блока, он боготворил ее, но позже Муза Вечной Женственности покинула творца, уступив место чистой, самоотверженной и преданной любви к Родине.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

- В русской литературе Пушкин первым с такой глубокой искренностью рассказал о любви, возвышающей человека. Он трепетал “перед мощной властью красоты”, испытывая неизъяснимое душевное волнение. Поэт “внушил не одну страсть на веку своем”. Но и сам через всю жизнь пронес чистые и нежные чувства к тем, кто дарил ему светлую радость вдохновения. Любовь в поэзии Пушкина — это глубокое, нравственно чистое и самоотверженное чувство, облагораживающее и очищающее человека.
- Вот строки из замечательного стихотворения, которое он посвятил Анне Петровне Керн:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

- Такими прекрасными словами о могучей и благотворной силе любви начинается одно из самых чудесных посланий русской и мировой поэзии. Стихи “поют” и “смеются”. Они уже вышли из рамок своего времени и стали заветным достоянием всех, кто способен пережить такую же самозабвенную любовь. Это, несомненно, одна из вершин пушкинской лирики.

- Стихотворение “Я помню чудное мгновенье...” было написано в 1825 году. Оно поражает удивительной стройностью. Это произведение разделено на три совершенно равные части (по две строфы), и каждая пронизана особым, ей только свойственным тоном. Первая открывается словами “Я помню чудное мгновенье” и посвящена воспоминанию того, что было. Очевидно, в воображении Пушкина возник петербургский вечер у Олениных, первая встреча, “милые черты”, “голос нежный”. В этой строчке смысловое ударение падает не на глагол “помню”, а на слово “чудное”, которое поэт, как правило, употребляет не в современном значении (“прекрасное” или “замечательное”), а в самом что ни на есть прямом — в том, в каком оно связано с чудом, с волшебством.
- В пушкинском стихотворении редко, но все же встречаются различные тропы, которые помогают нам увидеть новые черты и грани изображаемого, глубже понять смысл (метафора “гений чистой красоты”, эпитеты: “чудное”, “мимолетное виденье”).

- Пушкин в этом стихотворении невероятно точен в передаче смыслового оттенка слова:

Передо мной явилась ты...

- Не “возникла”, не “очутилась”, а именно “явилась”, не оставляя сомнения в том, что речь идет о явлении героини поэту, пусть и кратковременном:

Как мимолетное виденье...

- Но по длительности вполне достаточное, чтобы сполна его оценить, чтобы запечатлеть его таким, каким оно пронзило и поразило душу:

Как гений чистой красоты...

- Выяснилось, что “гений чистой красоты” заимствован поэтом из стихотворения Жуковского “Я музу юную бывало...”, где так названо божество.
- Наступили тяжелые годы изгнания. Поэт говорит об этом времени:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья.
Без слез, без жизни, без любви.

- Слезы, любовь, вдохновенье — вот спутники подлинной жизни. Поэт вспоминает тяжелые годы, 1823 — 1824, когда его постигло разочарование в жизни. Это подавленное состояние продолжалось недолго. И к новой встрече Пушкин приходит с ощущением полноты жизни.
- Вдруг (это уже третья часть) “душе настало пробужденье” и ее охватил порыв прежних, чистых и свежих чувств. Собственно, ради этого и написано стихотворение: пробудившейся душе снова явилась та, кто олицетворяет собой “гений чистой красоты”, воскрешает для человека “и божество, и вдохновенье”. Пробужденье — виденье — упоенье — вдохновенье — эти слова характеризуют состояние человеческой души, соприкоснувшейся с великой ценностью, с “гением чистой красоты”. Последние два стиха повторяют начало стихотворения. Они знаменуют возврат к юности. Пробужденье души открыло Пушкину возможность упоения творчеством, вдохновение, а вместе с тем упоенье жизнью. Пробужденная душа раскрылась и для творчества и для слез. И для любви.

- Основная мысль стихотворения — светлая память о любви и радость неожиданной встречи с тем, что, казалось, утрачено навсегда — передается Пушкиным с постепенным и возрастающим движением. Сначала грустное и нежное воспоминание, затем горестное сознание утраты и, наконец, взлет радости и восторга. Это прекрасно отразил в музыке Михаил Иванович Глинка, написавший на пушкинские слова один из самых замечательных своих романсов. Если вслушаться в его звучание, мы ясно различим все этапы, по которым шла мысль Пушкина. Помимо музыки Глинки сами стихи сразу же захватывают своим звучанием. Сначала мягко и тихо, а потом все быстрее и быстрее идет их нарастающая мелодия, разрешаясь стремительным, торжествующим аккордом. Что же придает стихотворению особую музыкальность?
- Может быть, сыграло некоторую роль особое, удобное для произношения гласных и согласных отсутствие шипящих и свистящих, преобладание звуков “о”, “е”, “а”. Но вряд ли сам поэт думал об этом, когда на едином порыве писал это стихотворение. Ему, конечно, важно было в ту минуту передать овладевшее им волнение. Мелодия рождалась как бы сама собой, подсказанная сердцем. Но безукоризненный вкус поэта и чувство родного языка, несказанно богатого не только в смысловом, но и в звуковом отношении, дали ему возможность найти самые точные по смыслу и вместе с тем самые мелодичные слова.
- Можно множество раз перечитывать стихотворение, чтобы вновь погрузиться в волшебный мир пушкинской лирики. Удивительно красивые слова подобрал поэт, чтобы выразить глубину своих чувств: чистых, бескорыстных, ничего не требующих взамен. Его строки берут за душу, делая нас не свидетелями, а соучастниками переживаний.

Благодарю за внимание!

